

УДК 101.1:316

КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ»: ОТ ИДЕИ К КРИТИКЕ

И.А. Петров

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируется появление понятий «общество знаний» и «информационное общество» в научной литературе. Автор поднимает проблему разного спектра оценок исследователей изменений в современном обществе. Концепция «общество знаний» рассматривается как попытка всестороннего взгляда и осмысления преобразований в обществе.

Ключевые слова: «общество знаний», «информационное общество», информация, знания.

Что представляет собой современное общество, закономерности его существования и перспективы развития – это вопросы, которые сейчас являются, пожалуй, одними из самых обсуждаемых в современной социальной философии.

В настоящее время человечество остро ощущает влияние информационной революции. Огромное количество увеличивающихся информационных потоков, массовое распространение электронной коммерции, информационно емкие продукты и услуги, постоянно растущая внушительных размеров доля коммуникаций через сети Интернета и стремительно развивающиеся различные сетевые сообщества – такова характеристика современного мира.

Информационная революция сегодня (как и все предыдущие революции с момента появления компьютеров в 40-х гг. XX в.) всего лишь усовершенствовала существовавшие ранее процессы и продукты, приведя к стандартизации традиционные процессы различных сфер человеческой деятельности, создав при этом пошаговые алгоритмы, способные экономить миллионам людей не только время, но и деньги.

Социальная философия вырабатывает свое рефлексивное отношение к всеобщему в жизни людей. Когнитивное отношение выражается в способности социальной философии отображать бытие общества в его данности и последовательно оформляться в аналитическую систему знаний и перспектив развития. Результат таких осмыслений, попытки дать характеристику современному социуму, оценить уникальность в конечном итоге приводят к формированию теории «постиндустриального общества» в конце XX – начале XXI в.

Согласно Д. Беллу, современное общество может и должно рассматриваться как постиндустриальное. Сторонники этого утверждения выделяют в истории три большие эпохи, образующие триаду «доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное общество» [1]. Однако точная периодизация не является некой жесткой схемой историче-

ского развития, так как неравномерность развития всемирной цивилизации не позволяет выделить четкие хронологические рамки формирования постиндустриального общества. Ещё Р. Арон отмечал, что «легко дать абстрактное определение каждой формы социума, но трудно обнаружить его конкретные пределы и выяснить, является ли то или иное общество, например, архаическим или индустриальным» [4, с. 117].

Для структурообразования роли «информации» и «знания» в современном обществе Д. Белл использовал термин «общество знаний», при этом он не придает ему достаточного расширительного смысла. В его работах понятия «информация» и «знания» переплетаются и не имеют четких разграничений между собой. «Если капитал и труд – главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание – основа общества постиндустриального», – пишет он. «Общество, основанное на знаниях» равносильно понятию «информационное общество», так как для двух понятий в его работах конституирующий фактор – это знание. Он пишет: «...теоретическое знание становится ведущим принципом социальной организации, а постиндустриальное общество развивается в направлении информационного общества, или общества знания» [1, с. 38]. В то же время Д. Белл отождествляет «постиндустриальное общество» с обществом знаний: «...постиндустриальное общество представляет собой общество знаний в двойном смысле: во-первых, источником инноваций во все большей мере становятся исследования и разработки; во-вторых, прогресс общества... все более однозначно определяется успехами в обществе знаний» [там же].

Концепция Д. Белла является первой серьёзной попыткой осмысления изменений в обществе, связанных с наступившим техническим прогрессом и с возрастающей ролью понятия «знания» в середине XX в., несмотря на то, что эта концепция построена не на исследовании готового общества, а является всего лишь прогнозированием появления нового типа общества. Следует отметить, что его концепция «Грядущее постиндустриальное общество» описывает такие процессы, как структура занятости, соотношение секторов общественного производства, развитие услуг и зарождение научного знания как отдельного элемента производственных сил, которые основаны на осмыслении и наблюдении самих процессов исключительно в странах с развитой экономикой в послевоенные десятилетия.

«Постиндустриальное общество», по Д. Беллу, – это общество, в котором центральное место занимает научное знание: «...конечно, знание необходимо для функционирования любого общества. Но специфика постиндустриального общества определяется характером знания. Главную роль в процессах принятия решений исправления изменениями играет теперь теоретическое знание... Современное общество существует благодаря инновациям и социальному контролю за изменениями, стремится предви-

деть, планировать будущее. Именно изменение в осознании природы инноваций делает решающим теоретическое знание» [1, с. 181–182].

Д. Белл определяет постиндустриальное общество как «информационное общество», где именно информация составляет структуру постиндустриального общества, которая включена в функционирование научного знания и получаемая благодаря знанию. Знание и информация, согласно концепции Д. Белла, являются стратегическим ресурсом для «постиндустриального общества», общества, основанного «на игре между людьми», где главное место отводится не физической силе, а интеллектуальным технологиям, основанным на информации. В таком обществе компьютер – это основной инструмент профессионала, позволяющий обработать огромное количество операций за короткий срок. И именно он становится фактором развития интеллектуальной технологии. В постиндустриальном обществе имеет значение не количество произведенных товаров, а предоставление различных видов услуг и улучшение качества жизни: в виде удобств в области здравоохранения и организации отдыха, образовании и культуре. А также «постиндустриальное общество» – это формирование новой элиты ученого человека, принадлежность к которой определяется наличием образования и квалификации: «Бережное отношение к талантам и распространение образовательных и интеллектуальных институтов станут главной задачей общества», – пишет Д. Белл [1, с. 197].

В России изучение темы «общества знания» начались относительно недавно. Основными исследователями являются И.Ю. Алексеева, А.А. Гусейнов, К.Х. Делокаров, Ф.Д. Демидов, Д.В. Ефременко, В.Л. Иноземцев, В.А. Лекторский, И.Е. Москалев.

По В.Л. Иноземцеву, постиндустриальное общество противопоставляется индустриальному и доиндустриальному по трём важнейшим параметрам [3]. С точки зрения В.Л. Иноземцева и его русских сторонников – исследователей в постиндустриализме, основой производственного ресурса является информация и знания, тип производственной деятельности – последовательная обработка, а характер базовых технологий – наукоёмкие технологии [4, с. 7–9].

Постиндустриализм в его классическом варианте обрел не только многочисленных сторонников, но также и серьезных критиков, полагающих, что прилагательное «постиндустриальное» следует трактовать лишь как временную последовательность стадии развития общества, которое не может отражать качественных характеристик. Таким образом, попытки выявления главного в происходящем привели к появлению некоторых теорий и концепций: «Технотронное общество» (З. Бжезинский), «Телематическое общество» (Д. Мартин), «Программируемое общество» (А. Турен) и «Информационное общество» (Ф. Махлуп). Возникшие идеи и концепции имеют свои отличительные черты и приоритеты в экономическом, технологическом, политическом

и социальном развитии, но в целом они аналогичны концепции Д. Белла.

Заметим, что для российских ученых представления западных исследователей о «новом обществе» в глобальном смысле не являются корректными, так как в зарубежные исследования не вошли особенности развивающихся стран. Некоторые страны и в настоящее время еще находятся на аграрно-индустриальном этапе развития.

Среди различных теорий и концепций наибольшую популярность и широкое распространение получила концепция «Информационное общество», где базой для нее послужили исследования Ф. Махлупа (один из первых исследователей информационного сектора экономики).

У Ф. Махлупа в дополнение к традиционным секторам экономики появляется еще один, который он назвал информационный сектор, в который входят области образования, исследования, медиа, информационные службы. Конституирующие особенности информационного сектора у Ф. Махлупа – это те виды занятости, которые называются «информационным трудом»: производство, обработка и распространение информации. Именно его исследования и положили начало идеям таких авторов, как И. Масуда, Т. Стоуньер, М. Кастельс.

И. Масуда полагал, что в «информационном обществе» в первую очередь должно измениться производство (как материального, так и информационного продукта), которое должно стать более «информационно-ёмким», для обеспечения роста инноваций. Т. Стоуньер отмечал, что основной фактор роста национального продукта (помимо накопления капитала, завоеваний территорий) – это знание и информация. Т. Стоуньер пришел к выводу, что информация добавляет стоимость не только к труду и капиталу, но и к самой себе.

В конечном итоге целостная теория, позволяющая оценить фундаментальные последствия воздействия информационной революции на современный мир, была предложена американским социологом М. Кастельсом. Он сделал вывод, что информационная эпоха порождает общество, которое является не только глобальным, но еще и «сетевым обществом», где феномен Интернета рассматривается в качестве особой среды. М. Кастельс критикует понятие «информационное общество», предпочитая использовать термин «информационный капитализм». Во всех его работах прослеживается идея, где информатизм имеет первостепенное значение, а капитализм – это главная характеристика современного времени. Систематизируя ключевые особенности социальных перемен, произошедших под влиянием «информационной революции», стремясь избежать технократизма, М. Кастельс подчёркивает, что новые технологии создают лишь среду для превращения информации и знания в решающие факторы социального воспроизводства.

Общенаучный статус концепции информационного общества упорочила работа М. Кастельса. В трилогии «Информационная эра» он

практически не уделяет внимания определениям «информация» и «знания», лишь делает небольшое замечание в первом томе: «У меня нет достаточных причин для того, чтобы попытаться улучшить определение знания, предложенное Даниэлем Беллом» [5, с. 40]: «Под знанием я понимаю, набор организованных утверждений или фактов или идей, представляющих обоснованное суждение или экспериментальный результат, который передан другим посредством коммуникации в систематизированной форме. Тем самым я отличаю знания от новостей и развлечений». Что касается определения «информации», Д. Белл предлагает следующее: «Под информацией я понимаю обработку данных в самом широком смысле; хранение, доступ, и обработка данных становятся важнейшими ресурсами экономики».

Важность знаний в экономике вполне очевидна для всех исследователей. Однако утверждения по поводу особой роли «знаний» для современного общества требуют пояснений, где ключевыми являются вопросы о том, каким образом знания и информация становятся экономической ценностью (предметом экономических отношений), а также о социальных условиях, в которых происходят эти процессы.

Изучение феноменов «информационного общества» и «общества знаний» и стремление государства использовать результаты этих исследований в политических целях взаимосвязаны. При этом политические программы основывались на техноидеалистическом подходе. Концепция «информационного общества» по своей сути продолжает идеи экономического неолиберализма, а значит, страдает теми же недостатками. С точки зрения неолиберализма все субъекты экономических отношений действуют абсолютно рационально, стремясь получить наибольшую пользу при наименьших затратах. Таким образом, существует опасность сведения человеческой личности к чистой бухгалтерии, для которой не существует ни искусства, ни любви, ни простых человеческих желаний и привязанностей. Такой подход ведет к игнорированию социальной сущности как взаимодействующих индивидов, так и институтов, определяющих правила их взаимодействия в конкретных сферах общественной жизни. Таким образом, функции «знания» и «информации» в социологическом контексте остаются совершенно без внимания.

К 1990-м гг. в исследованиях наметилась тенденция к более дифференцированной оценке изменений, происходящих в обществе и экономике. Если в концепции «информационного общества» основным фактором общественных преобразований является информация и коммуникационные технологии, то в новых трактовках делается акцент на знаниях и «обществе, основанном на знании». В новой концепции «общество знаний» просматривается попытка уже всестороннего рассмотрения и осмысления преобразований в обществе. Но пока также сохраняется опасность механического переноса экономических концепций «экономики знаний» в более широкое поле социогуманитарных исследований.

В 1990-е гг. политический интерес государства к тематике «информационного общества» и «общества знаний» достиг своего пика и вышел на международный уровень. Позже произошел и поворот от концепции «информационного общества» к новому социальному идеалу. Об этом свидетельствует доклад ЮНЕСКО в 2005 г., где авторы подчеркивали, что концепция «информационного общества» основывается на достижениях технологий, а понятие «общества знания» подразумевает более широкие социальные, этические и политические параметры [6].

Считается, что термины «общество знаний» и «информационное общество» появились в научной литературе одновременно. При всем многообразии трактовок «информационного общества» можно выделить его общие черты, такие, как высокий уровень развития компьютерных, информационных и телекоммуникационных технологий, наличие мощной инфраструктуры и, самое главное, рассмотрение понятий «информация» и «знания» в качестве стратегических ресурсов общества.

Рассмотрение концепций в современной науке позволяет сделать вывод об отсутствии единого понимания информации. Такое положение сложилось исторически, понятие «информация» имело статус философского концепта высокого уровня в схоластике. Далее, под влиянием эмпиризма, смысл термина «информация» последовательно перемещался от структуры к вещам, от формы к субстанции, от порядка разума к чувственному понимаю. Первоначальное значение слова «информировать» как «оформление» в дальнейшем перешло к пониманию по смыслу как «получение сведений». Такое содержание оставалось неизменным вплоть до XX в.

Непосредственно сама идея «общества знаний» пришла благодаря пониманию приоритета информации и знаний в социальных преобразованиях. Основу концепции «общества знания» составили исследования Ф. Махлупа и одного из самых влиятельных теоретиков менеджмента XX в. П. Друкера, развившего идею Ф. Махлупа. Концепции Ф. Махлупа и П. Друкера, указавшие на концентрацию капитала, информации и знаний в современной экономике, оказали особое влияние на формирование представлений об «обществе знаний».

Проанализировав процессы в США и Европе, П. Друкер предугадал ведущую роль информации и знания в конце XX – XXI в. и предсказал информационную революцию и революцию управления, социальными проявлениями которых должны стать соответственно «информационное общество» и «общество знания».

Ф. Махлуп доказывает, что вследствие своей роли в современной экономике наука и технология должны стать предметом специального анализа именно в рамках экономической теории. В первую очередь он обращается к технологическим знаниям, так как они в качестве технологий обеспечивают развитие производства. Но наряду с ними Ф. Махлуп выделил виды знаний «непродуктивного типа», требующие ресурсов об-

щества: школы, книги, радио и телевидение. Помимо этого субъектами знаний являются исследователи, аналитики, координаторы, администраторы. Они, следовательно, тоже требуют «внимательного рассмотрения». Результатом рассмотрения стало предельно широкое определение знания. «Мы, – пишет Ф. Махлуп, – можем определить как знание все, что известно кому-либо» [7, с. 234]. Таким образом, под определение попадают все виды знаний – как научное, так и вненаучное.

П. Друкер, продолжая линию исследований Ф. Махлупа, уделяет больше внимания социальным изменениям, отдавая образованию особо важную роль, основная задача которого – «научить учиться» индивида. Основанием для появления концепции «Общество знания» явились происходящие изменения в экономике и производстве, за которыми П. Друкер наблюдал с 60-х гг. XX в., когда рабочие, занятые физическим трудом, составляли большинство занятого населения. А к 1990 г. доля рабочих в развитых странах уже сократилась до 20 % от общего числа. С автоматизацией производства и совершенствованием техники повышается и уровень требований к работникам: повышается спрос на работников «умственного» труда.

П. Друкера интересовали изменения в обществе, связанные с новыми технологиями, экономическими трансформациями и ростом значимости организационных структур, он считал, что его работа «не предсказывает завтра, но обращена ко дню сегодняшнему». П. Друкер согласен с Ф. Махлупом в том, что в развитой экономике знание образует ключевой фактор производства: знания – первостепенный и всеобъемлющий ресурс для индивидуумов и экономики в целом. В то же время специализированные знания сами по себе ничего не производят. Они могут быть продуктивными только в том случае, если интегрированы в задачу.

Новым моментом у П. Друкера является идея нового типа работника – работника, обладающего знанием. Работник создает продукт собственными средствами, без использования средств компании. По мнению П. Друкера, важны и теоретические знания, и индивидуальные знания работника. П. Друкер здесь повторяет критику позитивистского подхода к определению знаний Ф. Махлупа. «Знание, целесообразное и систематическое получение информации и ее применение, а не только наука и технологии становятся основой современной экономики», – пишет он, при этом термины «информация» и «знания» он употребляет как взаимозаменяемые [7, с. 280], в то время как Ф. Махлуп подчёркивает именно термин «знания»: «мы можем назвать в некоторых случаях знания информацией, но следует избегать обобщений информации и знаний».

Основной вывод из концепции П. Друкера: власть и контроль постепенно переходят от обладателей капитала к тем, кто обладает знанием и информацией, не отменяя значения капитала (капитал перераспределяется, а точки концентрации знания и информационных технологий становятся одновременно и точками управления финансами). По мне-

нию П. Друкера, знание станет центральным элементом общества, а образовательные учреждения – ключевыми институтами общества.

Другими словами, «человек информационный» никогда не сможет остановиться, интеллектуально работающий человек всегда будет развиваться, так как умственный труд входит в привычку. И в конце концов знание займёт главенствующее место. В «новом обществе» становится очевидным, что экономический капитал или, точнее, источник экономического роста и прибавочной стоимости, в большей степени, оказывается зависим от знания и от системы управления им. В «новом обществе» также должна измениться система управления, где будут учтены три направления: экономический аспект своей деятельности (американская модель), человеческий фактор (японская модель) и социальные вопросы (немецкая модель). Учитывая все перечисленное, можно сделать вывод, что только высокоинтеллектуальные люди будут способны к управлению.

Уже в настоящее время ощущается кризис в области управления. В новой концепции управления особо важной является и новая система образования, способная обеспечить необходимый уровень компетенций как для «интеллектуальных работников», так и для их управляющих. Спрос на «интеллектуальных работников» (умеющих получать знания, самостоятельно производить их и применять в деле) в будущем будет только расти [8, с. 52–57].

Главной задачей образования в «обществе знания» является *«научить учиться» индивида и сделать данный процесс непрерывным* (в «обществе знания» отсутствует понятие «законченного образования»). Получение высшего образования становится обязательным, но недостаточным условием для успешной самореализации. Необходимо постоянное самосовершенствование для соответствия требованиям рынка.

В развитие понятия «общество знания» в 90-х гг. XX в. внёс значительный вклад автор работ по социологии знаний Н. Штер, указав на деятельностный аспект знания и выдвинув термин как отдельную, самостоятельную научно-философскую концепцию. Развив теорию Д. Белла о важности теоретического знания в современном обществе, Н. Штер дал следующее определение «обществу знаний»: «Растущее значение научного знания для социальных отношений». Он предположил, что именно научное знание («профессионализм») является фактором, формирующим все области социальных отношений в «новом обществе» будущего. Отличительной особенностью данного явления в XXI в., по его мнению, будет стремление человечества обустроить свою жизнь на началах знания. При этом Н. Штер отождествляет знания с научным знанием, а научное знание подрывает господство социальных институтов (государства, церкви, армии и т. д.), где главные источники роста современных отношений – это наука и техника. Согласно концепции Н. Штера, теперь и одиночки-индивиды смогут претендовать на господ-

ство и власть. Основной недостаток в концепции Н. Штера – её феноменализм, незнание причин социальных изменений. Предположение Н. Штера о том, что любое знание автоматически применимо на практике при должной квалификации, а основная сложность заключается в его приобретении, содержит методологическую ошибку, такие построения несут в себе черты механицизма.

Важным в концепции Н. Штера является то, что он указал на возможные негативные последствия роста значимости научных знаний и отметил проблемы в современном обществе, вызванные этим процессом.

Итак, анализ теоретических представлений западных учёных об «обществе знания» показывает, что под ним понимается преимущественно постиндустриальный этап развития общества, начавшийся с 90-х гг. XX в. (фаза информационного этапа постиндустриального общества), где главным фактором производства в «обществе знания» становится само знание, чего нельзя сказать об отечественных исследованиях. У наших учёных нет единого представления о периоде формирования «информационного общества». Разработка постиндустриальной проблематики отечественными исследователями началась лишь в последние полтора десятилетия. Основные отечественные исследования связаны с работами А.В. Бузгалина, В.Л. Иноземцева, А.И. Ракитова, Ю.В. Яковца, но к единому мнению о начале периода формирования «информационного общества» они не пришли.

Так, А.И. Ракитов и Т.Г. Лешкевич относят период формирования «информационного общества» ко второй половине XX в., по мнению И.С. Мимохина, сформированы лишь предпосылки перехода к информационному обществу, Д.И. Дубровский и А.В. Петров говорят только о начальной стадии периода, а В.Ю. Черных и вовсе считает период формирования «информационного общества» «прогностической моделью будущего». Советская идеология провозглашала строительство коммунистического общества своей главной задачей, и идеи о перспективе становления «постиндустриального общества» с научной точки зрения в СССР не воспринимались и подвергались критике.

В исследованиях приверженцев теории «общества знания» среди российских ученых однообразия не прослеживается. Так, по мнению В.Г. Федотовой, «общество знания» возможно лишь в развитых западных странах, тогда как К.Х. Делокаров считает, что при достаточных условиях оно может появиться в любом обществе. Для В.Н. Шевченко «общество знания» – это социалистическая альтернатива, выходящая за рамки «общества модерн», как прорыв к еще более высшему обществу, к «сверхмодерну».

Российские философы Д.В. Ефременко, В.А. Лекторский и А.О. Карпов, занимаясь данной проблематикой, «обществу знания» противопоставляют оборотную сторону становления «общества знания» – «общество риска». Д.В. Ефременко, например, считает, что «знание» и

«риск» – взаимосвязанные понятия, как аспекты процесса принятия решений в рамках социума, где есть необходимость выбора в условиях неполного знания из имеющихся возможностей, при этом нет определенности последствий. В прагматическом плане знание и так не может быть полным. Взаимосвязь знания и риска является более сложной. Но то, что эта взаимосвязь одновременно характеризуется устойчивой зависимостью, утверждает Д.В. Ефременко, сомнений нет. Таким образом, по его мнению, «по сути дела, представления об обществе риска являются, не чем иным, как обратной стороной идеи общества знания» [2, с. 49–52]. Вспомним, что изначально термином «общество знания» обозначалась ситуация стремительного роста социальной и политической роли научных исследований. Однако именно при обращении к оппозиции «знание–риск» обнаруживается, что новая социальная роль научной экспертизы не так уж и неоспорима.

Наука как источник рационализации процесса принятия социальных решений, позволяет осознать масштабность неопределенности и, следовательно, ограниченность экспертного знания. Недостаток достоверных знаний компенсируется различными подходами, методами, анализами риска. Уязвимость гипотетических подходов выражается в частоте конфликтов между научными экспертами, тем самым подрывая доверие и авторитет науки. Ценность научных знаний начинает девальвироваться, обоснованные политические решения с точки зрения науки могут быть опровергнуты при помощи научного анализа. Так, социологи, критикуя работу Ф. Махлупа, указывают на размытость определения понятия «знание». Действительно, радио и телевидение могут производить впечатление на умы своей аудитории, но эти отрасли довольно трудно отнести к «производящим знания».

В критике работ П. Друкера справедливо указывается на отсутствие различий между понятиями «информация» и «знание» и на то, что идеи «общества знаний» привязаны к вопросам внедрения инноваций и менеджмента в крупных корпорациях. Несмотря на то, что эти вопросы охватывают важные аспекты экономического развития, они достаточно узки для построения всеохватных социологических выводов. Ещё один вывод П. Друкера – о положении абсолютной свободы (базирующейся на общедоступности образования) и конкуренции между работниками знаний – тоже является спорным вопросом у критиков.

Таким образом, среди зарубежных и отечественных философов подробно рассматриваются возможности формирования «общества риска» как альтернативы «обществу знания» в условиях выбора имеющихся возможностей при неопределенности последствий, т.е. в условиях неполного знания.

Следует признать, что прогнозы многих теоретиков информационного общества об автоматизации, освобождающей человека от ру-

тинного труда и позволяющей заниматься творческим трудом, оказались утопическими.

«Информационное общество» исследуется российскими учеными и по настоящий день. Подтверждением тому являются официальные государственные документы: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149 - ФЗ от 27 июля 2006 г., «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» от 7 февраля 2008 г. № Пр-212, Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)», государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» и другие документы.

Ученые начали отмечать, что с возрастающей ролью информации в общественном развитии увеличивается и роль знания в каждом продукте и услуге, формируя новое общество – «общество знания». Анализ статистических данных международных организаций показывает, что главенствующую роль в экономическом развитии большинства стран играют именно наукоемкие сектора экономики, в подтверждение этого – ежегодный рост высоких технологий, где объем продукции уже в разы превышает темпы роста сырья. В России только в последнее время начали уделять больше внимания на государственном и частном уровне развитию и укреплению научного сектора экономики вместо сырьевого.

Несмотря на то, что представления об «обществе знания» можно назвать только прогностическими, дискуссия о современном обществе, развернувшаяся в конце XX в. в западной и отечественной философии, в настоящее время отражает перспективы становления «нового общества».

Подводя итоги, отметим, что становление «общества знания» в мире происходит неравномерно, так как это зависит от уровня развития отдельно взятого государства. Несмотря на то, что до сих пор нет единства в подходах исследователей к данной проблематике, все-таки большинство учёных сходятся во мнении, что интеллектуальная работа, профессиональные знания, коммуникации и новые технологии являются неотъемлемой частью и основополагающими факторами для инновационного роста и повышения конкурентоспособности в современном обществе. Основанная на возрастании роли знания во всех сферах общественной жизни и наличии знания в каждом продукте и услуге концепция «общества знания», предлагаемая ЮНЕСКО, может служить аналитическим инструментом перспектив развития общества нового типа, где ведущими факторами развития являются образование и наука.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
2. Ефременко Д.В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 49–61.
3. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М., 1999.
4. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
6. К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005.
7. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М., 1966.
8. Трегубенко Д.Е., Рассадин С.В. Интеллектуалы, знание и университет: на пути к обществу знания // Вестн. ТвГУ. Сер.: «Философия». 2012. № 1–2. С. 52–63.

THE CONCEPT OF «KNOWLEDGE SOCIETY»: FROM THE IDEA TO CRITICISM

I.A. Petrov

Tver State University, Tver

This article analyzes the emergence of the concepts of «knowledge society» and «information society» in scholarly literature. The author reviews the spectrum of opinions regarding the deep changes in the contemporary society. The concept of «knowledge society» is seen as an attempt to understand the core of the society radical transformation.

Keywords: *information, knowledge, «information society», «knowledge society».*

Об авторе:

ПЕТРОВ Илья Александрович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: ilyaseostar@gmail.com

Author Information:

PETROV Ilya Alexandrovich – Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: ilyaseostar@gmail.com